

ЗА ДВА ШАГА ДО ФИНИША

Свою сознательную жизнь я стал помнить лет с четырёх. Отец с матерью работали в колхозе. Детского сада в деревне не было, и мы, пацаны, оставались одни дома. Частенько меня брала к себе Гурьяниха. Довольно ещё крепкая женщина, бабка Гурьяниха имела своих троих девок, и я каким-то образом незаметно вписался в их дружную, небогатую семью. На русской печи у Гурьянихи водилось множество тараканов. Их было столько много, что они меня не боялись или попросту не обращали на меня внимания - носились по печи вверх и вниз, делая свои какие-то неотложные дела, шурша при этом жёлто-серыми крыльями. Я делал из тонкой медной проволоки сани, запрягал в них большого таракана и с любопытством наблюдал, как он тащит их по шершавым кирпичам. А то я устраивал между тараканами, запряжёнными в сани, настоящие гонки... Победителю я давал награду - отпускал на свободу. Были среди тараканов свои вожаки. Я их определял по расцветке крыльев или другим приметам. Наигравшись вдоволь, я к вечеру уходил домой.

В один из таких дней и поспешил домой раньше обычного. Что-то надо было дома или сделать, или взять, сейчас уже не помню. Выйдя за ворота, я направился домой. Идти-то надо было метров триста до дому. Пройдя метров сто, я почувствовал какое-то урчание в животе. Урчание повторилось и срочно захотелось в туалет... Возвращаться назад было уже поздно, и я прибавил шаг, затем припустил лёгкой рысью. В животе урчало всё сильнее и сильнее. «Успею, успею», - успокаивал я себя и помчался быстрее. Когда до ворот моего дома оставалось метров пять, я почувствовал, как темнеет в глазах. Я рванулся в калитку. Помню, что солнце слепило мне глаза. Впереди, не более чем в двух метрах, стоял желанный туалет. На мне были штаны с одной лямкой через плечо. Я ухватился за лямку, чтобы сдернуть штаны. И тут произошло непоправимое – низ живота не выдержал, и всё его содержимое со свистом и кваканьем вырвалось наружу. Я замер, опешивший, не понимая, что произошло. Откуда-то внезапно появилась моя старшая сестра, она быстро сорвала с меня штаны. Я продолжал стоять в каком-то оцепенении, не понимая, что же со мной... Почему туалет так близко, а я не успел?

И ещё я вспомнил, что утром мама предупреждала меня не есть много зелёного гороха...

ТАПОЧКА

Мне девять лет. В семье я предпоследний по рождению. На моем попечении сестрёнка Галка трёх лет и племянница Нина, ей полтора года. В моем распоряжении была деревянная тележка. Колеса у нее металлические, диаметром около восьмидесяти сантиметров. Амортизация - никакая. Я бросал в коробку тележки фуфайку либо деревенский самотканый половик, сажал одну, а, порой, и двух моих девчонок и галопом мчался по нашей деревенской улице. Асфальта на ней никогда не было, зато ямок хватало. Тележка гремела, подпрыгивая на неровностях дороги, и в такт этому пассажирок подбрасывало. Их маленькие головки болтало из стороны в сторону. Все местные уличные собаки предпочитали вовремя укрыться в подворотнях, чтобы не попасть под мою «тачанку», так я окрестил тележку. В один из летних дней, когда в Саянах прошли обильные дожди и наша речка Кебеж почти вышла из берегов, я помчался на «тачанке» на берег, чтобы полюбоваться бурными потоками реки.

Зрелище было красивым. Многие жители деревни любили приходить на речку во время первого весеннего ледохода либо после обильных дождей в Саянах. Речка казалась невероятной ширины, а течение бурным и глубоким. Вот и сегодня на берегу было много любопытных. По реке плыли остатки бревен, смытых потоком в верховьях, ветки кустарников. Вода была мутная, а потому вселяла в меня какой-то неведомый страх. В середине река достигала трёхметровой глубины. Заметив, что моя маленькая пассажирка вот-вот уснёт, я развернул тележку и помчался домой. У ворот дома я стал вытаскивать Галинку из тележки и вдруг заметил, что одной тапки на ногах нет. Меня бросило в жар. Я судорожно стал осматривать кузов тележки, выбрасывая тряпки на землю. Тапочки не было. Зная крутой нрав своего отца и предчувствуя очередную порку, я почему-то вновь помчался на берег реки... Где и когда моя сестрёнка успела разуться, оставалось только предполагать... На берегу продолжали стоять мои односельчане, обсуждая свои жизненные проблемы. Не осознавая, что делаю, я осторожно тронул за рубаху одного из мужиков и тихо-тихо, но с какой-то надеждой спросил:

-Тут тапочка не проплывала?

Мужик удивленно посмотрел на меня и так же тихо ответил:

-Нет, не проплывала. Трудно передать, что творилось в душе девятилетнего деревенского пацана - то ли горечь потери сестрёнкиной тапочки, то ли боязнь очередной порки отца, а может, то и другое вместе взятое... Не помню, как я довёз Галку до дому, не помню, что говорил в своё оправдание, но только история эта до сих пор не даёт мне покоя. Я уже сам дважды дедушка. Почему я решил, что тапочка должна была проплывать по реке? А если бы и проплывала? Откуда эта святая детская наивность? Не знаю, но именно она запомнилась на всю жизнь.

ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ

В нашей деревне речка Желоминка протекала в ста метрах от дома. Летом мы в ней купались, ловили рыбу. Гальянов водилось столько, что за один раз трёхметровым бреднем ведро можно было поймать. Была речка небольшой, шириной метров шесть, глубина в отдельных местах чуть больше метра, а в основном она была мелководная. Мы умудрялись ловить в ней ельцов, пескарей, а иногда и хариусов. Налимов я ловил на удочку дважды и то случайно. Зимой мы с удовольствием катались на речке на коньках. Для подготовки льда с вечера в верховьях реки прорубали лёд, пускали наледь, и утром каток готов.

В этот год зима выдалась ранней. В конце октября на речке стали появляться забереги – лёд у берегов реки. По этим заберегам можно было глушить рыбу. Делалось это так. Идешь по берегу вдоль заберегов и смотришь, где подо льдом притаилась рыба. Осторожно подходишь и ударяешь тихонько обухом топора по льду над рыбой. Оглушённая рыба переворачивается брюшком вверх, прорубаешь лунку и достаешь рыбу.

Под вечер к моему отцу пришел сосед Никодим. Он принёс отцу валенки подшить. Мой отец был первоклассным сапожником. Никодим сообщил, что на речке уже появились забереги и можно пробовать рыбу глушить.

На следующее утро, когда почти рассвело, я побежал на речку в разведку. С собой топор не взял. Дом-то рядом, мигом смотаюсь. Забереги были небольшие, метра два с половиной, а лёд сантиметровой толщины. И вдруг в метре от берега я увидел подо льдом налима. Глубина воды в том месте была не более десяти-пятнадцати сантиметров. Как быть? Я осторожно наступил на кромку льда, раздался треск. Налим шевельнул хвостом и стал медленно разворачиваться от берега. Времени на раздумье не оставалось. Я подпрыгнул вверх и ударил каблуками сапог по льду над налимом. Полуоглушённый налим завертелся волчком на одном месте. Не останавливаясь, я стал бить каблуками по льду, разбивая лёд над налимом и вокруг. Налим продолжал кружить, потеряв в мутной воде ориентир. Тогда я выскочил из разбитой лунки, засунул под налима обе руки и выбросил его сначала на лёд, а затем на берег. Налим оказался килограммового веса.

Мама была искренне обрадована таким неожиданным уловом и к обеду стоговила вкуснейший рыбный пирог. Потом в школе пацаны донимали меня расспросами, как я умудрился без топора оглушить налима. Я чувствовал себя героем дня, и мне было приятно.